

© 2006 г. А. Л. ГОЛОВАНЕВСКИЙ

ЛЕКСИЧЕСКАЯ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

В статье рассматривается круг вопросов, связанных с пониманием некоторых слов в языке поэзии Тютчева. Отдельные тематические разновидности лексики в контексте его поэзии выступают с совмещенными значениями. Совмещение значений в каждом из этих слов чаще всего происходит за счет семантического расширения первичного этимологического значения и наслоения дальнейших значений слова. Также поднимается вопрос о способах лексикографирования подобных слов в готовящемся “Полном поэтическом словаре Ф.И. Тютчева”, так как одни и те же слова в определенных контекстах выступают только в одном значении, в других – впитывают дополнительные значения, т.е. контекст не снимает, а порождает лексическую неоднозначность конкретного слова.

Ф.И. Тютчев, по мнению многих исследователей, породил особый поэтический язык. Когда говорят об этой “особости”, имеют в виду его одичность, архаичность, философичность, космичность. Поэтому не случайно, что поэзия Тютчева уже в XIX в. стала благодатным материалом, к которому обращались не только писатели, поэты, критики, литературоведы. Его творчество стало предметом философских комментариев В.С. Соловьева, С.Л. Франка, обращался к нему Н. Бердяев и другие философы. Понятно, что исследователи должны в полной мере учитывать последствия “особости” поэтического словаря Тютчева. И здесь прежде всего необходимо определить, как сложность языка проявляется на лексико-семантическом уровне. Известно, что исследование семантики стихотворений поэта остается самым слабым местом в лингвистической тютчеведении. Без конкретных, целенаправленных, системных исследований семантики нельзя успешно решить задачу создания “Поэтического словаря Ф.И. Тютчева”, которую поставила перед собой кафедра русского языка Брянского госуниверситета. Работа над “Поэтическим словарем Ф.И. Тютчева” высветила такую особенность его семантики, как неоднозначность отдельных групп слов в конкретном поэтическом контексте.

Одним из первых, оценивших это свойство словаря, был литературовед Л.В. Пумпянский, который в числе многочисленных признаков “иератического языка” называл и “свойственное Тютчеву в беспримерной степени смещение слова, наклон его оси, едва заметное перерождение его смыслового веса”. По его наблюдениям, в “Проблеске” есть уже ряд “наклонных слов”. К таковым он относил *утомительные сны, потрясающие звуки*, где слово *утомительный* «наклонено по направлению к “утомляющие”, а также к “томные”, а смысловая стрелка слова “потрясающие” колеблется между причастием и прилагательным, – колеблется на наших глазах и не может остановиться ни на том, ни на другом». В этих и других употреблениях Пумпянский видит “не просто отдельные случаи смыслового наклона, но поражающую своей последовательностью и разработанностью культуру интимно-загадочного жреческого языка” [Пумпянский 1928: 52–53].

В символистской, скорее намекающей, чем характеризующей терминологии Пумпянского просматривается понимание действительно важной семантической особенности поэтической лексики Тютчева – ее неоднозначности в конкретном контексте. Уже в статьях, написанных в 60-е годы XX в., доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН СССР Б.М. Козырев отметил эту особенность лексики не как случайную, а скорее как закономерную. Он выделил две важные черты лексической семантики стихотворений Тютчева: 1) использование в узловых пунктах таких слов, которые в

данном контексте могут иметь несколько значений; 2) использование приема этимологизации, или “обнажение первичных смыслов” [Козырев 1988: 73–83]. Отдельные замечания по употреблению Тютчевым неоднозначных слов имеются у известного тютчеведа А.А. Николаева. По его наблюдениям, в стихе “Разоблаченная с утра сияет Белая гора...” причастие *разоблаченная* означает и ‘открывшаяся, очистившаяся от облаков’ и ‘лишенная таинственного ореола’, и даже “изобличенная” [Николаев 1988: 8]. Указание на «способность возбуждать у слов появление “колеблющихся признаков”, сообщать им в тексте помимо основного дополнительные семантические и эмоциональные наслоения», по словам А.Д. Григорьевой, отмечается многими исследователями [Григорьева 1980: 10].

Можно сказать, что на сегодняшний день нет более или менее значительных работ, в которых проблема поэтической неоднозначности языка Тютчева решалась как центральная. Наши предварительные наблюдения также пока не выходят за рамки одиночных или тематически-групповых описаний примеров с реализованной лексической неоднозначностью [Голованевский 2004а: 7–8; 2004б: 44–50; 2004в: 542–545].

В настоящей статье приводятся новые факты поэтической неоднозначности. Следует сразу оговориться, что и в наше время эти поиски не выходят за рамки описания изолированных примеров, не выстроены в более или менее обозримую систему. Необходимо искать новые методологические подходы к исследованию проблем неоднозначности, значительно расширять фактографическую базу таких исследований, готовить необходимые предпосылки для создания словарей лексической неоднозначности поэтических текстов различных авторов. “Было бы интересно и поучительно провести фронтальное исследование русской поэзии на выявление в ней неоднозначности” [Перцов 2000: 57].

В процессе предварительной работы над “Поэтическим словарем Ф.И. Тютчева” проведены наблюдения над неоднозначным использованием лексики в отдельных стихотворениях, написанных Тютчевым в различные периоды его творчества. Они позволяют выявить характерные для поэта группы лексики с совмещенными значениями и, что немаловажно, приемы создания неоднозначности. По мере пополнения наблюдаемого массива лексики появляются все больше оснований утверждать, а не предполагать, как казалось Б.М. Козыреву, что среди “основных элементов поэтического произведения... в самых типичных для Тютчева и лучших созданиях его наибольшим своеобразием и художественной действенностью отличается, как мне кажется, семантика” [Козырев 1988: 78].

Вначале обратимся к стихотворению “Проблеск” (1825 г.), в котором внимание Л.В. Пумпянского заострено на значении причастия *потрясающие* в двустииши: “*То потрясающие звуки, // То замирающие вдруг...*” (26, с. 70)¹, выступающего, с точки зрения современного понимания, в роли причастия-прилагательного и соответственно совмещающего в себе лексические значения обеих частей речи: 1) “звуки, воспринимаемые слухом” (причастие от глагола *потрясать*); 2) “звуки, производящие очень сильное впечатление” (прилагательное). Причастное (процессуальное) значение лексемы проясняется в антонимической паре причастий *потрясающие* – *замирающие*, признаковое значение проявляется в общем контексте стихотворения: впечатление, настроение слушателя от легкого звона струн воздушной арфы.

У прилагательного *утомительный* мы не усматриваем второго значения, так как причастие *утомляющий*, к которому, по мнению Пумпянского, “наклонено прилагательное *утомительный*”, имеет с ним одинаковое значение “то, что утомляет, утомило”. Но в завершающем стихотворении четверостишии *И отягченную главою, / Одним лучом ослеплены, / Вновь упадем не к покою, / Но в утомительные сны* причастие *отягченную* совмещает в себе такие значения: 1) “склоненной, не до конца поднятой головой” (см. предшествующее четверостишие *Едва усилием минутным / Прервем на час*

¹ Все иллюстрации приводятся по изданию: Ф.И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Л., 1987. В тексте указывается название стихотворения, его номер и страница.

волшебный сон, / И взором трепетным и смутным, / Привстав, окинем небосклон); 2) “обремененная мыслями” (которые и утомляют сны). В этих стихах прилагательное *смутный* (взор) тоже неоднозначно: 1) “не до конца проснувшийся”; 2) “неясный”. Здесь причастие *отягченный* и прилагательное *смутный* выступают в контекстно-авторских и зафиксированных словарями значениях. В стихотворении “Как птичка, с раннею зарей...” (1835) Тютчев возвращается к неприятной ему ситуации пробуждения от сна или бессонницы: *Хоть свежесть утренняя веет / В моих всклокоченных власах, / На мне, я чую, тяготеет / Вчерашний зной, вчерашний прах!* (106, с. 125). Как видим, здесь не просто повторяется содержательная ситуация, но и поэтическая форма ее создания: *глава* — *власы*, *отягченная* — *тяготеет*. *Тяготеть* в этом контексте: 1) “испытывать на себе тяжесть” (зноя, праха); 2) “страшить, грозить”. Совмещение этих значений вызвано, по нашему мнению, тем, что в предлоге *на* совмещаются объектные значения предложного (*на мне*) и творительного (*надо мной*) падежей.

При выявлении значений лексических единиц в стихотворении “В деревне” (1869) отметим явную неоднозначность подчеркнутых слов в приводимых фрагментах: *Какой же смысл в движенье этом? / Зачем вся эта трата сил? / Зачем испуг таким полетом / Гусей и уток окрылил? / Да, тут есть цель! В ленивом стаде / Замечен страшный был застой, / И нужен стал, прогресса ради / Внезапный натиск роковой. / ...Иной, ты скажешь, просто дает, / А он свершает высший долг — / Он, осмысляя, развивает / Утиный и гусиный толк* (322, 245).

“Стихотворение это написано Тютчевым в одно из самых последних пребываний в принадлежавшем ему имении с. Овстуг и вызвано видом собаки, гнавшей за стадом гусей и уток”, – сказано в примечаниях используемого издания. Следовательно, в стихотворении реализованы два подтекста – бытовой (внешний) и философский. Философские термины-антиподы *движенье* – *застой*, попадая в бытовой контекст, не утрачивают своего терминологического значения. При этом на них накладывается и бытовое, нейтральное значение, соответствующее общему содержанию стихотворения. Оно-то и выходит на первый план. *Движение*. 1) “Перемещение с одного места на другое” (гусей, уток, собаки); 2) (филос.) “Развитие противоположное застою”. *Застой*. 1) “Отсутствие движения”; 2) (филос.) “Остановка в развитии, состояние общества, характеризующееся отсутствием развития”.

Иной тип совмещения значений в слове *окрылить*. Здесь совмещаются 1) прямое (этимологическое) значение “стать на крыло, полететь” и 2) переносное “ободрить, вдохновить на что-либо”. Такой же тип совмещения в глагольной лексеме *лаять*: 1) “издавать характерные для собаки звуки”; 2) переносное “бранить, ругать”.

Каждое из этих значений опирается на семантическую неоднозначность, т.е. неоднозначность тютчевского словоупотребления. Многозначность отдельных лексем в поэтическом тексте может иметь и каламбурный характер. В частности, употребление глагола *лаять* каламбурно из-за своей ассоциированной стилистической сниженности. Каламбурность, как правило, рассчитана на определенный языковой эффект, а совмещение лексических значений не преследует таких целей. Но заданная каламбурность и совмещенная многозначность в тексте не всегда четко разграничиваются, так как в том и другом случае используется свойство многозначной языковой единицы, семантическая структура которой характеризуется тем, что “отдельные значения, отчетливо отграничиваемые друг от друга в определенных позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно” [Шмелев 1973: 77]. Скорее всего каламбурность может быть (но не обязательно) одним из типов лексической неоднозначности. Как семантико-стилистическое явление каламбурность шире совмещающей неоднозначности. За пределами каламбурной совмещающей неоднозначности остаются различные ее типы, которые с трудом поддаются попыткам систематизации. Так, предлагаемые Анной Зализняк минимально возможные типы некаламбурного совмещения значений: “склеивание” (объединение в одном слове... двух отчетливо различных, но не взаимоисключающих его пониманий, не создающее никакого специального эффекта); “сплав” (два, вообще говоря, отчетливо различных значения как бы соединя-

ются в одно); “мерцание” (когда два или более различных значения присутствуют в слове одновременно, что создает эффект “мерцания”) и называемый Т.М. Николаевой “принцип тернарной семантики” [Анна Зализняк 2004: 26–29] – являются, на наш взгляд, лишь предпосылками для всесторонней и глубокой разработки этой проблемы. Пока, к примеру, трудно понять, чем различаются “сплав” и “склеивание”, если в том и другом случае в одном слове объединяются значения. А эффект “мерцания” напоминает “способность возбуждать у слов появление колеблющихся признаков”.

Возникает вопрос о способах лексикографирования подобных слов в готовящемся “Поэтическом словаре Ф.И. Тютчева”, так как отдельные слова могут в одних контекстах иметь только одно значение, в других – совмещенные значения. Рассмотренный выше неоднозначный глагол *окрылить* в данном контексте однозначен: ...*К вам пишу, с одра привстав, / И привет мой хромоногой / Okрылит пусть телеграф* (Князю Вяземскому, с. 269). Здесь значение *окрылить* – “отправить, быстро доставить” ассоциировано внутренним сравнением “как птица”, поэтому оно дополняется оборотом “как на крыльях”.

Пожалуй, самым распространенным приемом достижения неоднозначности является совмещение первичного и вторичного, метафорического, значений. Оно свойственно таким словам, в которых первичное значение лежит на поверхности, т. е. первословно. Тютчевское словоупотребление не ограничивается только таким значением, оно включает в свою семантику и дальнейшие значения, развившиеся в процессе употребления конкретных слов. В их числе существительные, прилагательные, глаголы. Так, корневая лексема *плам-* у Тютчева употребляется как существительное *пламень* (9), *пламя* (7), прилагательное *пламенный* (16), глагол *пламенеть* – *пламенить* (8), дееспричастие *пламенея* (1), наречие *пламенно* (3)², в первой части сложных прилагательных *пламенно-живой*, *пламенно-чудесный*. В словах с этим корнем словари выделяют обычно только прямые значения, связанные с огнем и горением и только в прилагательном *пламенный* указывается переносное значение – “пылкий, страстный” (о человеке). В следующих тютчевских контекстах прилагательное *пламенный* совмещает в себе как минимум по два значения: *Под раскаленными лучами, // Зарывшись в пламенных песках, // Оно стеклянными глазами // Чего-то ищет в облаках* (Безумие, с. 86); *О, как пронзительны и дики, // Как ненавистны для меня // Сей шум, движенья, говор, крики // Младого пламенного дня!..* (“Как птичка, с раннею зарей...”).

Первое значение прилагательных *пламенный* в обоих стихотворениях “горячий, жаркий”, второе – цветное, “цвет солнца”. В этих контекстах значение слова *пламя* тесно связано не просто с огнем, жаром, а именно с их первоисточником – солнцем. Не ставя перед собой цель выяснять доказательства этимологической связи слов *огонь* (*пламя*) и *солнце*, обратим внимание на то, что П.Я. Черных не исключает возможности появления суффикса *-н-* в основе **сьл-н* под влиянием основы **ogn-* [Черных 1999: 186]. Между прочим, в словарях русского литературного языка связь между значениями слов *пламя* и *солнце* не просматривается. Более прозрачна связь первичного и вторичных значений у прилагательного *кровавый* (11) в таком четверостишии: *Так!.. Но прощаясь с римской славой, // С Капитолийской высоты // Во всем величье видел ты // Закат звезды ее кровавый!..* (Цицерон, с. 104–105). Неоднозначность определяемого слова *кровавый* обусловлена такой же неоднозначностью определяющего существительного *закат*. *Кровавый (закат)* – это 1) “относящийся к крови, с большим количеством жертв”; 2) “цвета крови: красный, багровый”, т.е. в одной лексеме совмещается одновременно два типа значений – прямое и переносное.

При выяснении значений слова *закат* необходимо учитывать его двустороннюю сочетаемость: 1) *закат звезды* и 2) *закат кровавый*. В результате этого слово одновременно реализует два значения: 1) “заход звезды за линию горизонта”; 2) “завершение

² В скобках указано количество употреблений слов в поэзии Ф.И. Тютчева.

эпохи римской славы”³. Случаи двусторонней связи лексем в поэтическом тексте всегда вызывают дополнительные вопросы. Вот и здесь можно говорить о неоднозначности существительного *звезда*: 1) “планета звездной системы”; 2) “счастье, удача”. Во втором случае речь идет о звезде Римской республики, очевидцем которой, так же как и ее упадка, был Цицерон.

Последнее четверостишие этого небольшого стихотворения тоже требует семантических разъяснений: *Счастливы, кто посетил сей мир // В его минуты роковые! // Его призвали всеблагие // Как собеседника на пир. // Он их высоких зрелищ зритель, // Он в их совет допущен был — // И заживо, как небожитель, // Из чаши их бессмертье пил!*

Здесь мы не будем останавливаться на выяснении значения прилагательного *роковой*, которое в поэзии Тютчева в различных формах употребляется более 40 раз, в то время как существительное *рок* в трех падежных формах встречается всего 7 раз. Нас интересуют значения подчеркнутых слов. *Высоких зрелищ* – это, конечно, 1) “относящихся к небу”, где проживают всеблагие, и 2) “возвышенных, значительных по содержанию” (зрелищ). Местоимение *их*, можно предполагать, относится одновременно к существительным *чаши* и *бессмертье*. В этом случае последняя строка понимается: “пил из чаши богов бессмертный напиток, который пьют сами небожители-боги и в их числе Цицерон”. Весь этот метафорический контекст держится на неоднозначном употреблении глагола *пить*: 1) “поглощать напиток”; 2) переносное “вбирать в себя нематериальное, духовное, принадлежащее другим”. Отсюда: *бессмертье* – “напиток, принадлежащий богам”; *чаши* – “сосуд, из которого пьют боги”.

Надо сказать, что для Тютчева характерны не просто “склеивание”, “сплав” или “мерцание” значений. Часто результатом этих совмещений является сознательное сталкивание разных значений. Так, привычным для поэта является первоначальное сталкивание двух значений слова *покров* в таких стихах: *Угоден Зевсу бедный странник, // Над ним святой его покров!..* (Странник, с. 187); *...Господь милосердный, будь бедным покров!* (“Все бешеной буря...”, с. 130). Первое значение слова *покров* связано с пространственным положением странника: 1) “то, что прикрывает его от невзгод сверху”; 2) *устар.* “защита, покровительство”. Для Тютчева архаическое значение этого слова является основным. Семантическое расширение первичного этимологического значения (между прочим, словари часто не учитывают этот фактор при подаче значений в словарной статье, руководствуясь принципом актуальности) в тютчевском лексиконе – очень распространенный прием. Совмещение первичных и дальнейших значений характерно для слов различных частей речи.

Мысль изреченная есть ложь.

(1) Взрывая, возмутишь ключи, –

(2) Питайся ими – и молчи.

(Silentium, с. 106)

Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,

(3) На мне, я чую, тяготест

Вчерашний зной, вчерашний прах!..

(“Как птичка, с раннею зарей...”, с. 125)

Та ж торжествующая сила
Благоволенья и любви,

(4) Не отступив, приосенила

Часы последние твои.

(Памяти М.К. Политковской, с. 262)

³ В примечаниях ПСС Ф.И. Тютчева строка *Закат звезды ее кровавый* комментируется так: “Речь идет о гибели потопленной в крови гражданской войны 48–45 гг. до н. э. римской аристократической республики, идеологом которой был Цицерон” (с. 380).

- Я поздно встретился с тобою
 На жизненном твоём пути,
 Но с задушевною тоскою
 (5) Я говорю тебе: прости.
 (Там же)
- И самого меня являешь ты
 Очам души моей – и мир ее,
 (6) Чудесный мир, разоблачаешь мне.
 (Державный дух! с. 117)
- Вот от моря и до моря
 Нить железная скользит,
 Много славы, много горя
 (7) Эта нить порой гласит.
 (Вот от моря и до моря, с. 191)
- (8) Молчи, прошу, не смей меня будить.
 О, в этот век преступный и постыдный
 Не жить, не чувствовать – удел завидный...
- (9) Отраднo спать, отрадней камнем быть.
 (Из Микеланджело, с. 192)

Во всех подчеркнутых глаголах легко выделяются их первичные значения, усваиваемые на уровне наивной картины мира, и, наряду с ними, вторичные, реализованные контекстом.

(1) Возмутить: “сделать какую-либо водную поверхность мутной”. Вторичное значение глагола *возмутить* – “приводить водную поверхность в движение”.

(2) Питаться: “поглощать что-либо внутрь”. Вторичное значение глагола *питаться* связано с духовной, интеллектуальной восприимчивостью.

(3) Тяготеть: 1) “испытывать тяжесть”; 2) “находиться во власти чего-либо”.

(4) Приосенить. В Словаре современного русского литературного языка дано лишь одно устаревшее поэтическое значение слова “слегка прикрывать, осенять” [ССРЛЯ 1961: 649]. Но здесь, бесспорно, наряду с этим, вторичным, значением на первый план выходит этимологическое значение “осеннее увядание”.

(5) В форме повелительного наклонения глагола прости, предполагаем, совмещаются значения глагола совершенного вида *простить* “проявить снисходительность” и формы глагола несовершенного вида *прощай* “прощание перед длительным расставанием”.

(6) Здесь в контексте метафорической перифразы “*очи души моей*” – *мир души* употребляется многозначный глагол разоблачать. В понимании Тютчева *разоблачать* это: 1) “лишать покрова, снимать завесу облачности”; 2) “делать ясным, хорошо доступным зрению” [Голованевский 2004б: 48]. Эти значения современные словари квалифицируют как устаревшие. Для Тютчева они таковыми не были.

(7) Гласит. Первичное значение этого глагола “издавать звук, голос”, свойственное восточнославянскому варианту *голосить*. Вторичное значение отмечается в словарях – “возвещать, сообщать, свидетельствовать” [ССРЛЯ 1954: 131].

(8–9) Будить – спать. Первичные значения обоих глаголов связаны общим семантическим компонентом “пребывать в состоянии сна”. В значении глагола *будить* этот компонент осложняется дополнительной семой “прерывать”. Закономерно, что вторичные, переносные, значения у глаголов развиваются одновременно. И, попадая в подобные контексты, они реализуют одновременно оба антонимических значения; 1) “прерывать сон” – “находиться в состоянии сна”; 2) “возбуждать к действию” – “бездействовать”.

Столь же ярко совмещение лексических значений проявляется в отглагольном существительном *насаждение*: *Как насаждения Петрова // В Екатеринбургской долине // Де-*

ревья пышно разрослись, – // Так насаждаемое ныне // Здесь русское живое слово // Рас-
сти и глубже коренись (“Как насаждения Петрова...”, с. 244).

Насаждения Петрова это: 1) “сад, разведенный по приказанию Петра I вокруг построеного им загородного дворца в Екатеринентале (Екатерининской долине)”; 2) “наследство Петра I”. Переносное значение отглагольного существительного связано с вторичным значением глагола *насаждать* “устанавливать, вводить что-либо” [СЦРЯ 2001: 402], которое было употребительным в пушкинскую эпоху.

В этой статье мы отметили некоторые приемы поэтической стилистики, посредством которых создается неоднозначность тютчевского слова. Не приходится сомневаться в том, что эти приемы не изолированы, а системны. Считаем, что выявления всех или по крайней мере основных элементов этой системности – необходимое условие создания “Поэтического словаря Ф.И. Тютчева”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голованевский 2004а – *А.Л. Голованевский* и др. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева: загадки, гипотезы, отгадки // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2004. № 2.

Голованевский 2004б – *А.Л. Голованевский*. О лексикографировании высокочастотных слов в “Поэтическом словаре Ф.И. Тютчева” // Вопросы лексики и фразеологии русского языка. Памяти профессора Р.Н. Попова: Сб. науч. ст. Орел, 2004.

Голованевский 2004в – *А.Л. Голованевский*. На пути к созданию “Поэтического словаря Ф.И. Тютчева” // Русский язык и славистика в наши дни. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 85-летию со дня рождения Н.А. Кондрашова. М., 2004.

Григорьева 1980 – *А. Д. Григорьева*. Слово в поэзии Тютчева. М., 1980.

Зализняк 2004 – *Анна Зализняк*. Феномен многозначности и способы его описания // ВЯ. 2004. № 2.

Козырев 1988 – *Б.М. Козырев*. Письма о Тютчеве // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988.

Николаев 1988 – *А.А. Николаев*. “Понятным сердцу языком...” // Русская речь. 1988. № 6.

Перцов 2000 – *Н.В. Перцов*. О неоднозначности в поэтическом языке // ВЯ. 2000. № 3.

Пумпянский 1928 – *Л.В. Пумпянский*. Поэзия Ф.И. Тютчева // Уралия. Тютчевский альманах. 1803–1928. Л., 1928.

ССРЛЯ 1954 – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 3. М.; Л., 1954.

ССРЛЯ 1961 – Словарь современного русского языка: В 17 т. Т. 11. М.; Л., 1961.

СЦРЯ 2001 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии Наук. Кн. 1. А–Н. СПб., 2001. [Репринтное издание]

Черных 1999 – *П.Я. Черных*. Историко-этимологический словарь русского языка. 3-е изд. Т. 2. М., 1999.

Шмелев 1973 – *Д.Н. Шмелев*. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.